

История Государства Российского 2018

280 лет со дня рождения
М. Ф. Казакова (1738–1812),
русского архитектора

Международный Образовательный Историко - Культурный интернет-проект «История Государства Российского» был создан в 2010 году, как Исторический проект по работе с молодежью. В мероприятиях Исторического Проекта принимают школьники и студенты со всех регионах России и странах ближнего зарубежья (республика Беларусь)

Порой молодежь задается вопросом: «Зачем нам знать свои корни, свою историю, войны и революции? История же нудная наука - фамилии, даты и события» Столь остро стоят эти недоумения в наше непростое время, когда история забывается, переписывается, а иногда и стирается.

А потому, сегодня важно вырастить в молодом поколении историческое сознание, понимание того, в какой великой стране родились нынешние молодые россияне.

Если у Вас возникли вопросы по работе, развитию, содействию и деятельности Исторического Проекта просим Вас писать нам на электронную почту: isgosros@mail.ru

<https://vk.com/history.russian>

МОИК и-п «История Государства Российского» © 2010-2018

<http://isgosros.ucoz.net/>

Здесь Вы сможете:

- ❖ Скачать все выпуски Исторического журнала (с 2013 г.);
- ❖ Узнать и при желании принять участие в конкурсах, олимпиадах и мероприятиях Исторического Проекта.

280 лет со дня рождения М.Ф. Казакова (1738–1812), русского архитектора

Творчество Казакова – значительнейшее явление в русской архитектуре. Начав свою деятельность в пору становления русского классицизма, он стал одним из замечательных его представителей, создал свое, оригинальное направление, связанное со специфическими особенностями русского быта.

Мастер, глубоко чувствовавший красоту города, особенности его веками складывавшейся планировки, Казаков своими постройками не только органично вошел в него, но и во многом способствовал созданию того своеобразного облика, который был столь характерен для допожарной Москвы.

Матвей Федорович Казаков родился в 1738 году в Москве. Родом он был из крестьян – сын крепостного Федора Михайловича, отданного помещиком в матросы, но по счастливой случайности оставшегося при Адмиралтейской конторе в Москве копиистом. Только это и спасло его от матросской службы, а семью его избавило от крепостной неволи.

Двенадцатилетним мальчиком Матвей остался сиротой – сорока пяти лет от роду умер его отец. Семья, и раньше жившая в бедности, теперь потеряла все средства к

существованию. Однако мать, видя интерес мальчика к строительной деятельности, решила отдать его не в канцеляристы или ремесленники, а в архитектурную школу Ухтомского. С марта 1751 года Казаков стал учеником Ухтомского, архитектурная команда которого явилась, по существу, единственным университетом будущего зодчего.

Большое место в учебном процессе занимали математические дисциплины, черчение и рисование, история архитектуры и ее теория, изучение трудов Витрувия, Палладио, Виньоли и Блонделя. По тем временам это было новым явлением. Однако теоретические знания у Ухтомского не отделялись от практических. Заканчивая курс наук, ученик получал конкретное задание, а в случае его успешного выполнения направлялся для наблюдения за строительными работами, занимался проектированием зданий, составлением смет, ремонтом домов, их осмотром. Все это способствовало развитию у молодых зодчих не только строительных навыков, но и глубокого понимания архитектуры.

В годы учения у Ухтомского, а затем работы под руководством П.Р. Никитина, возглавившего с 1761 года школу и команду, Казаков приобрел большой строительный опыт: участвовал в создании Головинского дворца, Триумфальных ворот на Страстной площади в честь коронации Екатерины II, галереи Оружейной палаты. Он прекрасно изучил древние постройки, особенно кремлевские, что позволило ему вести ремонт и восстановление Черниговского собора и церкви Спаса на бору. Последнюю он изобразил на акварельном рисунке и офорте, положив тем самым начало своим архитектурным рисункам и гравюрам. Одновременно Казаков преподавал в архитектурной школе, обучая младших учеников рисовать фигуры и орнаменты.

Впервые дарование Казакова как архитектора раскрылось во время его участия в восстановлении Твери после пожара в мае 1763 года. В планировке и застройке этого города, осуществленной под руководством Никитина, нашли свое отражение принципы русского градостроительства XVIII века. Никитин вызвал Казакова в Тверь осенью 1763 года и сразу же привлек его к разработке проектов наиболее крупных административных зданий города. Совместно они создали проект перестройки сгоревшего архиерейского дома в Путевой дворец. Казаков обстраивал и спроектированную Никитиным Фонтанную (восьмиугольную) площадь. Созданные Казаковым проекты говорят о стремлении автора придать постройкам торжественный характер. Зодчий добивался этого ритмическим повторением одинаковых форм, строгостью решений фасадов, где выделялся лишь небольшой фронто́н.

В 1768 году судьба объединила усилия и таланты двух замечательных русских архитекторов – Василия Баженова и Матвея Казакова ради сооружения «наиславнейшего в свете здания» – Большого Кремлевского дворца. Обоим в пору начала «кремлевской перестройки» было по тридцать лет.

Идея проекта Кремлевского дворца, его основные художественные принципы исходили от Баженова. Однако без Казакова, своего главного помощника, Баженов просто не справился бы с таким гигантским объемом работы. Казаков сделал очень много... И все же решающее слово здесь скажет Баженов. Кремлевский дворец станет в первую очередь его детищем. Но детищем утопическим. Обставленный пышными праздниками спектакль возведения «Российского Акрополя» завершился тем, чем

только и мог завершиться: в 1774 году строительство Кремлевского дворца было прекращено.

Безусловно, это было ударом не только для Баженова, но и для его преданного друга Матвея Казакова. Каково ему было сознавать бессмысленность стольких усилий! Через некоторое время от шумного начинания в Кремле не осталось и следа, но для Казакова почти семилетнее сотрудничество с Баженовым было важнейшим этапом жизни. Можно сказать, что поражение баженовского проекта стало переломным событием в творчестве Казакова. Как величайший зодчий он родился в пору этой архитектурной трагедии.

Историки искусства недаром называют Казакова практиком, которому обычно был присущ трезвый взгляд на вещи. И хотя это не совсем справедливо, тем не менее, Казаков действительно не имел склонности к тому «архитектурному театру», героем и жертвой которого стал Василий Баженов. Казаков был ближе к реальному делу, к зодчеству в изначальном смысле этого слова, что блестяще проявилось в первой его крупной самостоятельной московской работе – Пречистенском дворце.

Одно то, что Казакову, тогда еще «заархитектору», поручили строить дворец для императрицы, говорит о признании его таланта и опыта. Дворец, на сваях, а не на фундаменте, сооружался глубокой осенью и зимой, что в те времена было очень необычным. Впрочем, как и сам проект: Казаков бережно отнесся к архитектурному пространству Москвы, к ее живописному пейзажу. Он объединил три старых каменных дома и пристроил к ним деревянный корпус с огромным залом, создав с минимальными издержками и, что было особенно важно, в кратчайший срок новый дворец, который вполне соответствовал самым взыскательным вкусам. Довольна была и коронованная заказчица, прибывшая в Москву на празднование Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией: уже в мае 1775 года Казаков получил чин архитектора.

На него буквально хлынул поток заказов, и в тот же год зодчий начал возводить Петровский путевой дворец на Петербургской дороге. При его создании была использована блестящая художественная идея, уже воплощенная Баженовым и Казаковым на Ходынском поле. Тогда для проведения торжеств по случаю Кючук-Кайнарджийского мира был построен целый комплекс временных увеселительных павильонов, изображавших крепости на Черном море, роль которого отводилась полю. Так и Петровский дворец, окруженный, будто крепостной стеной, одноэтажными корпусами с башнями, уподоблялся древнему городу – Москве. Без сомнения, Петровский дворец – наиболее значительное сооружение Казакова из всех, созданных им в национально-романтических традициях. Это особенно заметно при сравнении его с неоконченным дворцом в Царицыно (возводился в 1787—1793 годах на основании разобранной баженовской постройки), где попытка соединить классицистические и древнерусские элементы не привели к созданию сооружения, органичного и цельного по облику.

Еще только разворачивалось строительство Петровского дворца, а Казаков уже начал проектировать здание Сената в Кремле. Оно строилось более десяти лет и стало одним из самых значительных произведений архитектуры русского классицизма. И

почти символично, что в самом сердце Москвы, в центре «дворянской Республики» был возведен не дворец монарха, а храм Закона.

Прекрасно понимая общественную роль возводимого им здания, Казаков как истинный архитектор-классицист придал ему монументальный характер. Ощущение торжественности создает использование ордера как в колоннах портика главного фасада, так и в пилястрах боковых ризалитов. В эпоху античности храмы нередко воздвигали в виде ротонды – круглой постройки, часто увенчанной куполом. Вот и в Сенате самая емкая, ключевая форма – прекрасная купольная ротонда. В ней находится знаменитый Екатерининский зал, украшенный колоннадой и горельефами, на которых запечатлены важнейшие события царствования великой императрицы.

Ротонда была излюбленной темой Казакова. Он строил православные храмы-ротонды: церкви Филиппа Митрополита, (1777—1788), Косьмы и Дамиана на Маросейке (1791), другие постройки: Голицынская больница, мавзолей-ротонда в смоленской усадьбе Алексино, в форме ротонды решал углы жилых и общественных зданий в Москве: Дом Благородного собрания, Университетский пансион на Тверской, дом Голицына и др.

Все это не может быть просто случайностью. Ротонда – уникальная форма, архетип храма как символа мироздания, в данном случае просветительского, с его центральной идеей земного счастья.

В 1783 году с согласия Екатерины Казаков поступил в распоряжение главы только что созданного Екатеринославского наместничества – Г.А. Потемкина, который замыслил грандиозную утопию: воздвигнуть на полупустынном тогда юге «третью столицу» и застроить ее огромными зданиями. Жизнь показала вскоре, что затея была всего лишь очередным спектаклем «архитектурного театра». Поддайся Казаков искушению, положи все свои силы на сооружение невиданных архитектурных колоссов, сколько потом было бы разочарования, сколько несчастья. Но урок с Кремлевским дворцом, видимо, пошел ему впрок. Сказавшись больным, он вскоре возвратился в Москву – к семье, к своему настоящему делу.

Еще в 1782 году Казаков начал строительство Московского университета. Образ этой кузницы «просвещенного разума» давался ему трудно, продумывались варианты: один, другой, третий... Здание возводилось более десяти лет, по частям – в три этапа. Одновременно зодчий совершенствовал его архитектурный облик: отказывался от усложненных элементов, от обилия скульптуры, добивался простоты и величественности. Завершенное здание, органично вошедшее в ансамбль центра Москвы, своей архитектурой напоминало крупную городскую усадьбу.

По-новому используя традиционную схему – большое здание, с открытой к улице небольшой площадкой, архитектор возвел монументальное сооружение, По-образное в плане, неглубокий двор которого, образованный скругленными снаружи боковыми крыльями, был отделен от улицы ажурной оградой. Восьмиколонный портик ионического ордера с аттиком; купол в центре, венчающий большой круглый зал; рустовка нижней части здания, лопатки верхних этажей – все эти элементы говорят о развитии в творчестве Казакова классицистических принципов.

Еще одну чрезвычайно непростую художественную задачу предстояло решить мастеру при подготовке проекта дома Благородного собрания. В отличие от университета и других крупных общественных сооружений, он перестраивался из

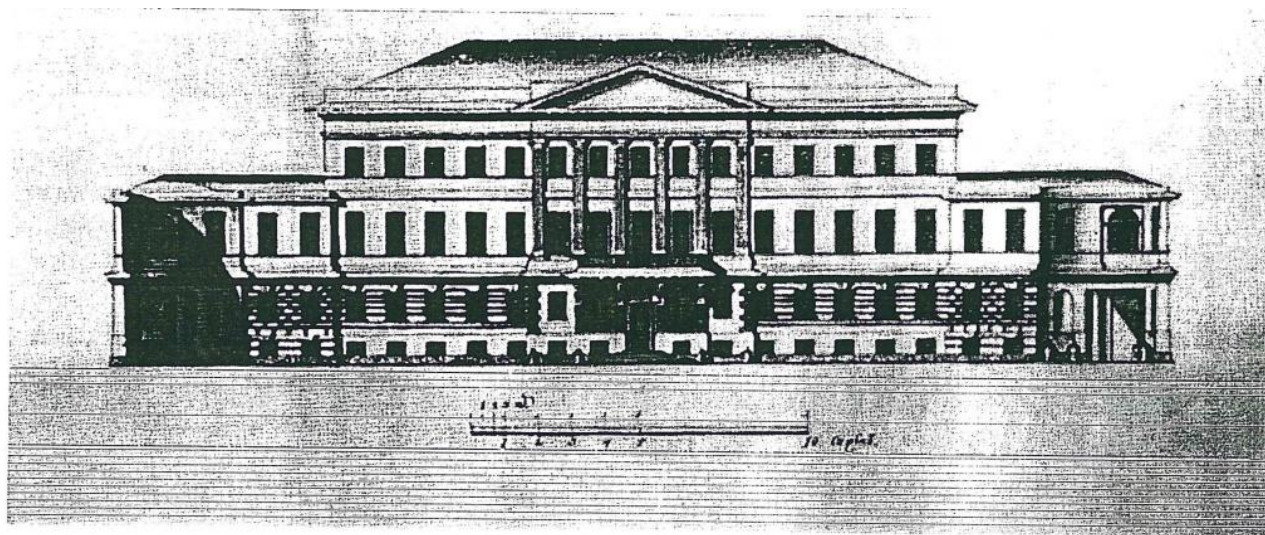
старого дома. Однако главная трудность состояла опять-таки в выработке совершенно нового образа общественного здания.

Казаков основное внимание уделил здесь интерьеру, создав один из шедевров – знаменитый Колонный зал Дворянского собрания. Вдоль стен прямоугольного в плане зала расставлены стройные белые колонны коринфского ордера. Крупные пропорции ордера, спокойные формы колонн, четкие очертания всех частей создают ощущение торжественности, что еще более подчеркивается полированной поверхностью белого искусственного мрамора, настенными зеркалами, прекрасными хрустальными люстрами. Этому залу простой и благородной архитектуры суждено было стать средоточием жизни граждан «дворянской Республики».

Внешне дом Благородного собрания также мало отличался от больших городских усадеб, которыми в те годы украсилась Москва. Талант Казакова был поистине многогранным, однако в наибольшей степени он раскрылся в многочисленных, осуществленных и неосуществленных, проектах жилых домов и усадеб.

В начале 1790-х годов Казаков строит дом Козицкой на Тверской. Это было двухэтажное здание, с хорошо развитым коринфским портиком, поставленным на высокий рустованный цоколь, и двумя ризалитами, в которых портику как бы отвечали окна, оформленные парными колоннадами, несущими большой сандрик – характерный для Казакова прием. Своими постройками (дома московского главнокомандующего, Бекетова, Голицына, Ермолова и др.) зодчий во многом способствовал созданию архитектурного облика этой улицы после пожара 1773 года.

Близким по характеру к дому Козицкой является и сохранившийся до наших дней дом отставного бригадира И.И. Демидова на Гороховской улице. Однако это уже не отдельный особняк, а главный дом большой городской усадьбы, построенной в конце 1780-х – начале 1790-х годов. Это классический пример казаковского жилого дома того времени. В нем соединились черты архитектуры предшествующего периода с новыми приемами, что выразилось, в частности, в замене прежней планировки осевой, при которой прямоугольные помещения располагаются в ряд по всей длине здания, а зал помещается в конце их. В связи с этим легкий коринфский портик композиционно связан с общим строем всех внутренних помещений, а не только с главным центральным залом.

28. Фасад дома С.А. Меншикова на Никитской Иллюстрация из книги Е.А. Белецкой "Архитектурные альбомы М.Ф.Казакова" М.,1956, с. 164

В 1780-е годы Казаков работал над двумя сооружениями, которые заняли особое место среди его жилых построек. Дом Калинина и Павлова и дом Хрящева на Ильинке бы ли, по существу, гостинными дворами, торговыми лавками. Архитектура дома Калинина и Павлова, украшенного шестиколонным портиком коринфского ордера, с арочными проемами галерей, была исполнена строгости и торжественности. Она во многом определила облик Ильинки на стыке веков. В последующем десятилетии Казаков, творчески развивая стилистические черты классицизма, также уделил большое внимание строительству жилых домов. Именно в 1790-е годы им были созданы такие совершенные образцы, как дома Губина и Барышникова.

Первый из них Казаков построил на Петровке, напротив Высоко-Петровского монастыря, для уральского заводчика М.И. Губина. Массивный объем здания – трехэтажного в центральной части и двухэтажного в боковых – при всей своей монументальности ни в коей мере не довлеет над улицей. Несомненно, этим обусловлено и то, что коринфские колонны не выступают от стены, а заполняют все пространство центральной ниши, и то, что в боковых крыльях здания использован малый ионический ордер с легкими рельефными скульптурными композициями.

Дальнейшее развитие творческие принципы Казакова нашли и в таких постройках конца века, как дошедший до настоящего времени со значительными изменениями дом И.С. Гагарина в Армянском переулке, планировка которого была примером рационального построения внутреннего пространства здания, или дом Мусиной-Пушкиной на Тверской, где сложная многоосевая композиция пришла на смену традиционной трехосевой.

Зодчий масштабно и глубоко раскрывает тему гармонии, столь много значившую для его современников. Если попытаться выбрать из огромного наследия Казакова только одно произведение, где эта тема была воплощена наиболее полно, то следует признать, что это Голицынская больница – одна из последних крупных работ мастера.

Проект был составлен в 1794 году. Строительство же началось спустя два года и завершилось в 1801 году. Используя принцип планировки городской усадьбы с отступающим внутрь двора главным домом, флигелями и садом и включив тем самым ансамбль в группу расположенных рядом старых усадеб, Казаков одновременно

связал его с протяженностью пространства улицы. Вдоль нее, а не торцами, он расположил боковые корпуса, а также ввел такой элемент, как белокаменная лестница, поднимающаяся к portalу центрального здания. Наружный облик построек очень прост и строг: здесь господствуют дорические формы, статичные объемы.

На фоне гладких стен главного здания с вертикальными проемами окон четко выделяется величественный портик. Гармоническую завершенность постройке придает большой купол, венчающий круглую ротонду центрального зала-церкви. Если снаружи постройка производит впечатление сдержанности, то парадные интерьеры ее отличаются исключительной пышностью.

Последнее десятилетие в творчестве Матвея Федоровича не отмечено таким же активным строительством, как в предыдущие годы. В этот период он завершает начатое в конце 1790-х годов. Пожалуй, единственной крупной постройкой этого периода, дошедшей до наших дней почти без изменений, была Павловская больница у Серпуховской заставы, которая строилась с 1802 по 1811 год.

Композиция и общее архитектурно-пространственное решение ансамбля, особенно главного корпуса, во многом напоминают Голицынскую больницу. Однако здесь архитектор в гораздо большей степени подчинил их специфическим требованиям лечебного учреждения. Нет сомнения, что в Павловской больнице зодчий стремился осуществить на практике новые тенденции в архитектурной эстетике – тенденции к простоте и одновременно к монументальности художественного образа сооружения, столь характерные для русского зодчества конца XVIII – начала XIX века.

Казаков едва ли не единственный из крупных художников эпохи Просвещения в России создал то, что называется школой. С полным основанием можно говорить о русском классицизме казаковской школы. Кстати сказать, даже дом зодчего в Златоустовском переулке был не просто жилищем семьи, но и своего рода домашним университетом искусств. Здесь под руководством Казакова много лет действовала архитектурная школа. В числе его учеников – архитекторы Родион Казаков, Еготов, Соколов, Бове, Тюрин, Бакарев.

Трудами многих из них восстанавливалась сожженная в 1812 году Москва, казаковская Москва. Сам архитектор не пережил тех бедственных событий. Перед вступлением французов в Москву семья увезла старого мастера в Рязань. Там встретил он известие о гибели города, которому были отданы труды всей его жизни. Не перенеся удара, Казаков скончался 7 ноября в Рязани и погребен в Троицком монастыре на окраине города.

Знаменательно, что в последние годы зодчий, будто предчувствуя приближение невиданной по масштабам культурной трагедии, собирал вместе со своими учениками чертежи наиважнейших построек классической Москвы, которые составили знаменитые альбомы Казакова – настоящую архитектурную энциклопедию эпохи Просвещения. Эти альбомы были, очевидно, составной частью уже поистине грандиозного замысла – «Генерального Москвы атласа из фасадических планов», представлявшего своего рода портрет столицы «дворянской Республики», иными словами, художественную модель Москвы. Работа над «фасадическим планом», начавшаяся в 1800 году, не была доведена до конца, следы же готовых его фрагментов затерялись. Сохранились только подготовительные материалы, в числе

которых – уже упомянутые архитектурные альбомы – основной источник сведений о творчестве великого мастера.

Глубоко национальное по своим истокам и направленности творчество Казакова, которому присущи черты высокой гражданственности простоты и ясности самовыражения, постоянный поиск новых решений, – одна из наиболее интересных страниц в истории русского зодчества.

*Источники информации:
Материалы из открытых источников*